

Михаил Дымарский

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
(Санкт-Петербург)

КОННЕКСИЯ И ИННЕКСИЯ КАК БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

Key words: contemporary Russian, typology of syntactic relations, morphosyntax, formal sentence structure, connection, innexion

1. Проблема типологии синтаксических связей сохраняет актуальность всегда. Причин тому несколько. Первая, и наиболее очевидная, заключается в том, что понятие и типология синтаксических связей – это ядро любого учения о синтаксисе. Вторая, существующая по меньшей мере теоретически, – язык не стоит на месте, следовательно, могут изменяться способы и виды синтаксических связей. Третья состоит в том, что существующие типологии не охватывают всего многообразия синтаксических объединений, реально функционирующих в речевом потоке.

Можно выделить две черты, характерные для существующих концепций: либо явный редуционизм, либо своеобразный „экспансионизм”. Первое наблюдается в тех случаях, когда реальное многообразие синтаксических связей сводится к двум-трем, а то и к одному типу. Наиболее выразительный пример „редуционизма” дает грамматика зависимостей, которая „рассматривает все связи только как направленные, при этом постулируется только один тип направленной связи – зависимости одного слова от другого” [Долина 1977: 299]. Очевидно, что подобный „прокрустов” подход вряд ли способен приблизить к подлинному пониманию механизмов синтагматической организации речи.

Второе обнаруживается там, где связи, природа которых с трудом поддается осмыслению, рассматриваются как разновидности известных типов. Пример – интерпретация связи между компонентами составного глагольного сказуемого (глагольная связка + инфинитив) как примыкания; такое решение находим во многих работах [см.: Белошапкина 1989: 568–569; Валгина 1973: 56; Грамматика 1954: 214–219; Распопов 1970: 47; Русская грамматика

1980: 41 и др.]. Проиллюстрировать количество нерешенных проблем в области теории синтаксических связей можно следующим простым способом. Выпишем ряд частотных синтаксических конструкций (задача дать исчерпывающий перечень не ставится) и попробуем поставить в соответствие каждой тип используемой в ней связи:

Таблица 1

Типы синтаксических конструкций и связей

Конструкция	Тип связи	Примеры
с/с с управлением	подчинение	чит а т ь книгу
с/с с согласованием	подчинение	хорошая книга
с/с с примыканием	подчинение	хорошо чит а т ь
бессоюзный однородный ряд	–	романы, ст их и
союзный однородный ряд	сочинение	романы и ст их и
многочленное сказуемое	–	было лень вст ават ь
координированная предикативная группа	нексус	Книга была хорошая.
некоординированная предикативная группа	–	Я за рулем.
детерминант плюс предикативная группа	–	Ут ром лень вст ават ь.
БСП – аналог СПП	–	С глаз долой – из сердца вон.
БСП – аналог ССП	–	Кричу – нет от вет а.
собственно БСП	–	Вет ер вое т , гром грохочет .
ССП	сочинение	Или я его, или он меня.
СПП	подчинение	Если успеем, будет хорошо!

Условные обозначения: с/с – словосочетание; БСП – бессоюзное сложное предложение; СПП – сложноподчиненное предложение; ССП – сложносочиненное предложение.

Как видим, ровно в половине случаев дать однозначный ответ на вопрос о типе связи или невозможно, или, по меньшей мере, затруднительно. Прокомментируем эти позиции.

1.1. Применительно к бессоюзному однородному ряду часто говорят о сочинении [см.: Валгина 1973: 206; Русская грамматика 1980: 166–173; Белашапкина 1989: 548]. Ясно, что на первый план в данном случае выводится логический, по своей природе, признак сочинения: „равноправие компонентов, их смысловая и грамматическая независимость друг от друга” [Валгина 1973], другими словами – то, что в грамматике давно известно под именем паратаксиста. Однако наличие данных отношений не равносильно наличию сочинительной связи: И.Н. Кручинина справедливо указывает на то, что паратаксист имеет место как при сочинении, так и при бессоюзии [Кручинина 1990а; 1990б], что лишает его силы дифференциального признака. „Основ-

ным средством передачи сочинительной связи являются сочинительные союзы” [Белошапкина 1989: 548]; ср. также у Кручининой:

Сочинение... – синтаксическая связь грамматически равноценных единиц языка, из которых ни одна не может быть сведена на положение компонента другой, располагающая своей системой средств выражения – сочинительными союзами [Кручинина 1990б].

Только наличие союза может быть трактовано как дифференциальный признак сочинительной связи, поскольку другие средства – интонация и порядок следования компонентов – свойственны любому другому типу. Не случайно, по-видимому, и С.Г. Ильенко в статье „Сочинение” приводит примеры только союзных однородных рядов [Ильенко 1979].

Существует иное решение вопроса о связи компонентов в бессоюзном однородном ряду: между ними констатируется бессоюзная связь. Это решение представляется более предпочтительным, поскольку, в отличие от предыдущего, не содержит недостаточно мотивированных положений. Однако сам термин „бессоюзие”, более удовлетворительный как обозначение конструкции, в качестве обозначения типа связи малоинформативен, так как подчеркивает то, чего в данном виде связи нет, и не выявляет того, что есть. Характеристика бессоюзия, аналогичным образом, является в основном апофатической: это связь

без участия союзов [...] Смысловые отношения при бессоюзии обычно остаются невыраженными, поскольку формирующие их факторы... в большинстве своем полисемантически, т.е. не закреплены за строго определенными видами отношений, и недостаточно регулярны [Кручинина 1990а].

Справедливо указывая на роль интонации в обеспечении данного вида связи, при его характеристике опускают – возможно, в силу очевидности – другой немаловажный фактор: соположение компонентов. В.А. Белошапкина, посвящая отдельный параграф „Средствам выражения синтаксических связей”, о простом соположении компонентов не упоминает [Белошапкина 1989: 544–545]. Между тем без соположения компонентов ни интонация, ни другие известные средства, поддерживающие бессоюзную связь, неработоспособны. Впрочем, и соположение компонентов не может быть признано дифференциальным признаком данного типа связи.

Таким образом: наличие синтаксической связи несомненно, но вопрос о ее сущности остается весьма неясным. Если мы отказываемся от недостаточно убедительного подведения этого типа связи под сочинение, то мы описываем ее как связь, которая не является ни а) сочинением, ни б) подчинением, ни в) координацией (нексусом), ни г) тяготением и т.д. — в зависимости от принимаемой типологии; как связь, реализуемую средствами, которые играют роль дополнительных при других типах связи, и не располагающую специфическим средством, которое было бы присуще только данному типу. Удовлетворительность такой характеристики сомнительна; вопрос о природе

связи в данной конструкции остается открытым. В таком случае, остается нерешенным и вопрос о природе синтаксической связи в трех типах бессоюзных предложений, связь в которых традиционно квалифицируется как бессоюзная.

1.2. О связи между компонентами многочленного (в том числе составного) сказуемого выше уже упоминалось. Удовлетворительной характеристики этой связи, насколько нам известно, не существует. Констатация же в этом случае примыкания вызывает следующие возражения. Понятно, что инфинитив трактуется здесь как примыкающий на том основании, что он является неизменяемой формой. Однако это основание чисто морфологическое и потому недостаточное; для того же, чтобы констатировать здесь синтаксическую связь примыкания, необходимо доказать, что инфинитив подчинен спрягаемой форме глагола (так как примыкание традиционно считается разновидностью подчинительной связи); сделать же это весьма трудно, а главное – вряд ли вообще нужно это делать. Определить, что чему подчинено в конструкции составного сказуемого, невозможно, поскольку вектора „неравноправия” в планах смысловой и грамматической специализации компонентов являются в данном случае встречно-направленными. П.А. Лекант, в частности, подчеркивает:

Один компонент выражает вещественное значение сказуемого... – он является главным. Второй компонент заключает грамматическое значение сказуемого... – он является вспомогательным (но не второстепенным, ибо без него главный компонент не имеет грамматического значения сказуемого) [Лекант 1976: 21].

В такой ситуации говорить о подчинении – тем более о подчинении инфинитива, то есть главного, по Леканту, компонента составного сказуемого, спрягаемой форме – лишено смысла. То же относится, например, и к словам категории состояния в многокомпонентных сказуемых типа было трудно разобрат ь (написанное).

1.3. Связь между компонентами некоординированной предикативной группы представляет собой неизвестную величину, не определяемую и не комментируемую ни в учебниках, ни в академических грамматиках русского языка. Естественно, что наличие ее сомнению не подвергается, однако выятные характеристики – отсутствуют. Возможна констатация в этом случае „предикативной связи”. Но как тогда квалифицировать связь между компонентами координированной предикативной группы?

Если же утверждать наличие „предикативной связи” в обоих случаях, то это понятие либо совпадает с понятием предикативного отношения, либо утрачивает смысл. В самом деле: поскольку обе конструкции отражают акт предикации, в них наличествуют предикативные отношения; в координированной предикативной группе это отношение получает воплощение в нексусе, или координации, в некоординированной – не получает такого воплощения.

Термин „(взаимная) координация”, как известно, принят в российской лингвистической традиции после работ Н.С. Поспелова, Н.Ю. Шведовой и др., показавших принципиальные отличия связи между подлежащим и сказуемым от согласования как вида подчинения. Однако параллельные термины иноязычных грамматических традиций используются в совершенно иных значениях: англ. *coordination*, фр. *coordination*, нем. *Koordination*, исп. *coordinación* означают ‘сочинение’, при этом в англоязычной и немецкоязычной традициях термин может означать и ‘согласование’ [Ахманова 1969], причем в Германии под *Koordination* обычно понимают именно согласование, а сочинение обозначают термином *Beiordnung*. Поэтому кажется более предпочтительным использовать для обозначения обсуждаемого типа связи термин *нексус*, как более явно сопряженный в европейской лингвистической традиции с понятием предикативного отношения.

Если мы признаем, что *нексус* и есть „предикативная связь”, то применять это понятие к некоординированным предикативным группам лишено смысла. Если же мы все-таки утверждаем, что „предикативная связь” имеется в обеих конструкциях, то она превращается в понятие, дублирующее понятие предикативного отношения, с функцией, неотвратимо напоминающей о фиговом листке.

1.4. Связь детерминанта с предикативной группой изначально осмыслялась Шведовой как распавшееся слабое управление или примыкание [Шведова 1964]. То, что образовалось в результате распада подчинительной связи, позже было интерпретировано ею как „свободное присоединение, внешне сходное с примыканием, но отличающееся от него своим неприсловным характером” [Русская грамматика 1980: 149]. Стоит добавить, что отличие от примыкания состоит, кроме указанного автором, в отсутствии подчинения детерминанта предикативной группе: хотя возможность задать смысловой вопрос к детерминанту иногда существует (ср.: *Тошно мне! (кому?)* – в отличие от *На площади тишина*) и хотя по внешней форме детерминирующие компоненты, как правило, неотличимы от управляемых или примыкающих присловных распространителей, их нормативно-нейтральная позиция в абсолютном начале предложения свидетельствует об отсутствии подчинения. О том же говорит их нормативная тематическая функция в актуальном членении высказывания: детерминант, как правило, самостоятельно, не входя в состав более сложного образования, замещает позицию темы (или одной из тем). Наконец, об отсутствии подчинения говорит и тот факт, что ни семантика предикативной группы, ни семантика детерминанта не предопределяют друг друга с необходимостью так, как предопределяет семантику и форму подчиняемого компонента главное слово в словосочетании. Отношения между ними намного ближе к отношениям между подлежащим и сказуемым: не случайно Г.А. Золотова последовательно интерпретирует предложения вида *Мне тошно* и др. как подлежащно-сказуемостные [Золотова 1998: 102–206]. Возможно, именно отсутствие подчинения подразумевает Н.Ю. Шведова, говоря о свободном присоединении.

Однако и в данном случае перед нами ситуация опоры на практически неизвестную величину. Если подчинительным связям слов в Русской грамматике посвящен весьма объемный раздел [Русская грамматика 1980: 13–79], то характеристика связи „свободного присоединения” исчерпывается приведенной цитатой; место этой связи в системе синтаксических связей, ее соотношение с другими типами, ее сущность не охарактеризованы.

Известны другие опыты определения данного типа связи. Например, Г.С. Коляденко квалифицировала связь обстоятельственного детерминанта с предикативным центром как „семантико-синтаксическую”: „детерминирующее обстоятельство как бы прислонено к предикативному ядру, находясь с последним в отношениях полуподчинения (смыслового) – полуравновесия (обусловленного синтаксической самостоятельностью этих единиц)”, – и определила ее как „синтаксическую агглютинацию” – „непредикативную связь смыслового характера” [Коляденко 1972: 13–15]. Отдавая должное изобретательности этого решения, отметим все же, что, во-первых, термин „синтаксическая агглютинация” имел бы смысл в том случае, если бы он существовал в системе соотносительных терминов (например, „синтаксическая фузия”, „синтаксическая кумуляция”), – то есть если бы типология синтаксических связей последовательно повторяла на более высоком уровне типологию способов формо- и словообразования; во-вторых, ясно, что содержательно решение Г.С. Коляденко практически ничем не отличается от предложенного Н.Ю. Шведовой.

Таким образом, хотя связь между детерминантом и предикативной группой описана и терминирована, ее место в системе синтаксических связей, ее соотношение с другими типами и ее сущность остаются *terra incognita*.

1.5. Приведенный обзор, несмотря на свою фрагментарность, позволяет утверждать, что на сегодняшний день в русистике (как минимум) отсутствует целостная и последовательная типология синтаксических связей. Детально разработаны отдельные фрагменты: типология связей внутри подчинительных словосочетаний, сочиненных рядов, сложного предложения. Однако, во-первых, эти фрагменты не складываются в единое учение, поскольку построены на разных основаниях; во-вторых, они не охватывают реального многообразия связей.

В основу типологии связей внутри словосочетания положена оппозиция сочинения и подчинения. На этом классификационном основании строго разграничиваются два класса словосочетаний (если сочиненные ряды признаются словосочетаниями); далее изучаются виды подчинительной связи. Что же касается рядов с разновидностями отношений паратаксиста, то уже применительно к ним, как мы видели, возникают сложности. Если бессоюзные ряды причислять к сочинительным словосочетаниям, то понятие сочинительной связи разрушается, теряет смысл, так как совпадает с логическим понятием отношений паратаксиста (о различении в синтаксисе связей и стоящих за ними отношений сказано достаточно, поэтому соответствующие пояснения

опускаем). Если же бессоюзные ряды выводить за рамки сочинения, то необходимо постулировать наличие третьего типа связи – бессоюзной, – а между тем „вписать” этот тип в базовую оппозицию сочинения и подчинения путем ее количественного расширения невозможно: ведь понятие бессоюзия выделяется на совершенно иных основаниях. В результате типология словосочетаний лишается единого классификационного основания, а общая типология связей в итоге превращается в задачу, от решения которой теория синтаксиса практически отказывается.

Между тем построение единой теории синтаксических связей представляется все-таки возможным – при том условии, что одно из средств связи, которое обычно, в силу очевидной данности, во внимание не принимается, подвергается существенному переосмыслению.

2. Если исходить из того, что синтаксическая связь (в отличие от отношения) есть нечто, обязательно имеющее то или иное проявление, выражение, то есть положить во главу угла формально-синтаксический критерий, – то в многообразии синтаксических построений и связей можно будет ясно видеть оппозицию, пронизывающую все это многообразие. Обозначим ее – в рабочем порядке – как оппозицию к о н н е к с и и и и н н е к с и и . Под первой подразумевается синтаксическая связь, основанная на простом соположении компонентов; под второй – связь, предполагающая элемент проникновения одного компонента в другой или их взаимного проникновения.

В обоих случаях результатом коннекции или иннекции оказывается интеграция элементов, которым тем самым придается статус компонентов интегрированного целого; но принципиально различны сами пути.

К о н н е к с и я (лат. *con* ‘с, со’ и *necto*, *nectum* ‘вязать, связывать’) – это в известном смысле механическое совмещение элементов: придание им статуса компонентов интегрированного целого никак не сказывается на их форме, структуре, семантике, а само интегрированное целое в структурном отношении представляет собой, грубо говоря, сумму компонентов, и если подвергнуть его „обратному” расчленению, то и получим исходные элементы, без какого бы то ни было остатка. Конструкции такого вида будем называть коннективными, или консинтаксическими, в противоположность конструкциям с иннексией – иннективным, или инсинтаксическим. Примерами консинтаксических конструкций могут служить словосочетание с примыкающим приложением в И.п., конструкция с прямой речью, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные сложные предложения открытой структуры с отношениями „чистой” одновременности или последовательности; так называемые „явления текста” [см. Ильенко 2003]. Можно предположить, между прочим, что соображения именно такого рода (то есть сознание глубокой отличности консинтаксических конструкций от инсинтаксических) заставили авторов Русской грамматики из 1980 г. – в первую очередь, конечно, ее главного редактора Н.Ю. Шведову – вывести бессо-

юзные предложения из раздела „Сложное предложение” и дать им название „Бессоюзные сочетания предложений”.

Если подойти к характеристике коннексии с иных позиций, то на первый план выйдет не механистичность, а свобода соединения компонентов. Коннективные конструкции опираются именно на принцип свободного соположения компонентов; при этом статус компонента и, соответственно, его завершенность определяется не его грамматической оформленностью, а смысловой достаточностью, хотя последняя иногда оценивается говорящим/пишущим довольно субъективно. Несколько огрубляя, можно сказать, что в коннективном синтаксисе статус компонента конструкции может примысливаться к любому элементу, если он, по мнению говорящего, выражает необходимый смысл. Принцип свободного соположения компонентов – ведущий принцип коннективного синтаксиса.

И н н е к с и я (лат. in ‘в’) – это такое соединение элементов конструкции, при котором в их форме, структуре, семантике происходят известные изменения с целью приспособить, „приладить” один элемент к другому, „состыковать” их, если прибегнуть к столярной метафоре, по принципу „паз + шип” или „паз + скрепа + паз”. В иннективных конструкциях происходит (взаимное) проникновение одного элемента в другой (ср. взаимное воздействие подлежащего и сказуемого в прототипическом глагольном предложении) и/или возникает специализированное средство связи, самим фактом своего существования уже оказывающее воздействие на оба соединяемых компонента (ср. предложные и союзные конструкции). При попытке „обратного” расчленения иннективной конструкции неизбежен отрицательный эффект: возникает „остаток”, или деформируются компоненты, или утрачивается некоторый элемент смысла. Примерами инсинтаксических конструкций могут служить словосочетания с управлением и согласованием, конструкции с причастными и деепричастными оборотами, союзные сложные предложения (в том числе и конструкция с косвенной речью).

Для языков флективного (синтетического) типа существенность оппозиции коннексии – иннексии несомненна; но она имеет место и в языках аналитического строя – во всяком случае в тех из них, где имеются союзы, частицы и другие специализированные средства организации сложного предложения или диалогического единства. Можно даже предположить, основываясь на элементарных логических допущениях, что в глоттогенезе коннексия была первична и что, хотя довольно раннее развитие иннективных конструкций с нексусом местоименного подлежащего и глагольного сказуемого (я иду – ты идешь) несомненно, подлинное развитие иннективного синтаксиса и последующее становление оппозиции коннексии – иннексии было тесно связано с развитием письменности.

Оппозиция коннексии – иннексии хорошо прослеживается на материале конструкций, передающих чужую речь. Конструкция с прямой речью по своей природе является консинтаксической (и это, кстати, один из случаев

наиболее яркого проявления коннекции): вводящий компонент и чужая речь в КТР никак не пересекаются, они просто сопологаются – и только; синтаксическую связь между ними идентифицировать и охарактеризовать невозможно. Зато сохраняются неприкосновенными не только синтаксическая конструкция чужого высказывания и его базовый лексический состав, но также его субъектно-объектная перспектива и все модусные средства, ср.: Тогда новый знакомый спросил меня: „И в каком же году, инт ересно, вы окончили университет ?”.

В конструкции же с косвенной речью – инсинтаксической – происходит проникновение одного элемента в другой: это заключается не только в использовании специализированного подчинительного средства связи, но и в подчинении субъектно-объектной перспективы и модусной рамки (если она есть) чужого высказывания соответствующей перспективе и рамке „основного” высказывания; сохраняется лишь тип синтаксической конструкции чужого высказывания и его базовый лексический состав: Тогда новый знакомый спросил меня (поинт ересовался), в каком (ж е) году я окончил университет .

Наконец, в так называемой конструкции с тематической речью иннекция достигает максимального проявления: чужая речь как таковая в КТР не передается, выражается только ее смысл – как правило, (предложно-)падежной конструкцией, которая полностью лишена автономности (ср. прямую и косвенную речь) и включена в структуру „основного” высказывания на правах присловного распространителя: Тогда новый знакомый спросил меня о времени окончания мною университета .

Любопытно отметить, что не только единая синтаксическая конструкция, но и диалог могут строиться по разным принципам (что – правда, в другой связи – было отмечено еще С.О. Карцевским): известно, что степень синтаксической связанности контактных реплик диалога может быть весьма различной – от фактической парцелляции до полного отсутствия синтаксической связи. То есть и здесь мы можем наблюдать как коннексию, так и иннексию, и, кстати, речевые манеры разных говорящих могут различаться по признаку склонности либо к первой, либо ко второй.

Коннекция и иннекция соседствуют и переплетаются друг с другом в организации простого предложения. Не подлежит сомнению иннективный характер связи между подлежащим и сказуемым, главными членами и непримыкающими присловными распространителями; но вот последние, а в еще большей степени – детерминанты, в особенности те из них, которые реализуют семантические элементы, не представленные ни на уровне пропозиционального отношения, ни, соответственно, в семантической структуре предложения, – вводятся в предложение посредством связей коннективного типа. (Не случайно, кстати, ни к чему не привели в свое время попытки интерпретировать грамматическую связь между детерминантом и предикативным центром в терминах подчинения, о чем уже было сказано.)

Однако на более высоких уровнях синтаксической организации (осложненное предложение, сложное предложение, конструкции с чужой речью, сложное синтаксическое целое) коннекция и иннекция не столько соседствуют, сколько конкурируют. Именно эта конкуренция, вызываемая постоянной необходимостью выбора между союзными и бессоюзными построениями, паратаксистом и гипотаксистом, грамматической полнотой и эллипсисом и т.п., ведет к упомянутой дифференциации речевых манер говорящих. Более того, разные соотношения консинтаксических и инсинтаксических построений ярко характеризуют разговорную и книжно-письменную речь. В разговорной речи явно доминирует коннективный синтаксис, для книжно-письменной речи характерен, наоборот, синтаксис иннективный. О.А. Лаптева, вслед за В. Барнетом, говорит о действии в разговорном синтаксисе „принципа превалирования семантического плана высказывания над формальным” [Лаптева 1976: 120]; Е.А. Земская еще в 1968 г. подчеркнула „особую роль в РР [разговорной речи – М. Д.] связи свободного соединения”, которая „используется как для соединения отдельных словоформ..., так и для объединения более крупных синтаксических «блоков»”, причем способы этой связи характеризуются „отсутствием формального выражения синтаксической зависимости, а также отсутствием ее спецификации” – и более того: роль интонации и порядка слов в РР настолько велика, что „в ряде случаев только они являются синтаксическими средствами связи, так как иные средства связи отсутствуют”; там же отмечена и „повышенная роль паратаксиста” в РР [Земская 1968: 93]. Вообще, все дифференциальные (в сравнении с общелитературной нормой) характеристики разговорного синтаксиса как в указанных, так и во многих других работах по РР очень хорошо согласуются с излагаемым здесь представлением о коннективном синтаксисе. Но важно помнить, что именно дифференциальные.

Широкое использование образованными людьми инсинтаксических построений в устной беседе всегда воспринималось как признак книжности речи (вспомним испуганную реплику Фамусова: „Что говорит! И говорит, как пишет!”). С другой стороны, неосознанная опора на принципы преимущественно-коннективного синтаксиса, характерная для разговорной речи, часто ведет к ошибкам при использовании конструкций, принадлежащих книжно-письменному языку.

Однако отсюда не следует, что коннекция есть исключительная принадлежность разговорной речи, а иннекция – книжно-письменной. В этом случае все сказанное означало бы простое удвоение терминологии. Оппозиция коннективного vs. иннективного синтаксиса имеет не стилистический и не стратификационный, а фундаментальный характер, поскольку она сама является следствием фундаментального противоречия между линейной природой речи и нелинейной природой содержания. Вряд ли есть необходимость пояснять, что именно в линейной природе речи коренится коннективное

начало синтаксиса. Связь же между нелинейной природой содержания и иннективным началом заключается в том, что именно иннекция позволяет в линейной цепочке передать те многообразные и „многоэтажные” нелинейные отношения, которые столь выразительно отображаются хорошо известными схемами генеративной грамматики.

Оппозиция коннективного vs. иннективного начал пронизывает весь синтаксис, все слои (подязыки, территориальные и социальные диалекты) национального языка. Весь синтаксический строй языка может быть интерпретирован как результат конкурирующего взаимодействия коннективного и иннективного начал в глоттогенезе, причем ясно, что результаты этого взаимодействия варьируют как от одного национального языка к другому, так и от одного подязыка к другому в рамках некоторого данного национального языка.

Если теперь вернуться к табл. 1 и поставить в соответствие каждой конструкции один из двух предлагаемых формально-грамматических типов связи, то проблема квалификации связей между компонентами конструкций окажется решенной:

Таблица 2

Соотношение типов синтаксических конструкций и связей в них

Конструкция	Логико-грамматический тип связи	Логический тип связи	Формально-грамматический тип связи
с/с с управлением	подчинение	гипотаксис	иннекция
с/с с согласованием	подчинение	гипотаксис	иннекция
с/с с примыканием	(подчинение)	гипотаксис	коннекция
бессоюзный однородный ряд	—	паратаксис	коннекция
союзный однородный ряд	сочинение	паратаксис	иннекция
многочленное сказуемое	—	—	коннекция
координированная предикативная группа	нексус	—	иннекция
некоординированная предикативная группа	—	—	коннекция
детерминант плюс предикативная группа	—	—	коннекция
БСП — аналог СПП	—	паратаксис	иннекция
БСП — аналог ССП	—	паратаксис	коннекция
собственно БСП	—	паратаксис	коннекция
ССП	сочинение	паратаксис	иннекция
СПП	подчинение	гипотаксис	иннекция

Таблица 2 показывает, что ни одна из трех оппозиций, выявляемых на логическом, логико-грамматическом и формально-грамматическом уровнях, не дублирует какую бы то ни было другую. Вместе с тем, только введение третьей оппозиции позволяет получить удовлетворительную интерпретацию всех существующих синтаксических связей. Это означает целесообразность данного шага – как бы при этом ни именовались члены пары, обозначенные нами как коннексия и иннексия (можно было бы говорить, например, и о паре *к о н к а т е н а ц и я – и н к а т е н а ц и я*).

Развитие языковых структур, исходя из сделанных предположений, предстает как результат постоянного взаимодействия двух базовых структурных принципов: коннективного и иннективного. Это не означает, однако, возможности точного предсказания путей развития того или иного конкретного языка. Предположить, какая именно из иннективных связей подвергнется распаду и даст консинтаксическое построение и наоборот, возможно далеко не всегда, а если и возможно, то такое предположение не имеет универсальной силы и не может быть распространено на все языки. Взаимодействие коннективного и иннективного структурных принципов нельзя уподобить действию универсальных физических законов: оно носит, скорее, характер игры, дающей в условиях разных языков различные результаты. Так что, если уж, исследуя язык, действительно выходить за его границы, – надо изучать теорию игр и возможности ее применения в лингвистике.

Библиография

- Ахманова О.С. (1969). Словарь лингвистических терминов. Москва.
- Белошапкина В.А. (1989). Синтаксис. В: Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапкиной. Москва.
- Валгина Н.С. (1973). Синтаксис современного русского языка. Москва.
- Грамматика русского языка (1954). Т. 2. Ч. 1: Синтаксис. Москва.
- Долинина И.Б. (1977). Системный анализ предложения. Москва.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. (1998). Коммуникативная грамматика русского языка. Москва.
- Иванов В.В. (2004). Лингвистика тысячелетия: Вопросы к будущему. Москва.
- Ильенко С.Г. (1979). Сочинение. В: Русский язык: Энциклопедия. Москва, с. 322–323.
- Ильенко С.Г. (2003). Русские глаголы: Избранные труды. Санкт-Петербург.
- Коляденко Г.С. (1972). Демонстрирующие предлоги-падежные формы с обстоятельством значением в структуре двусоставного глагольного предложения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Кручинина И.Н. (1990а). Бессоюзие. В: Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, с. 74.
- Кручинина И.Н. (1990б). Сочинение. В: Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, с. 484.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) (1990). Отв. ред. В.Н. Ярцева. Москва.

- Лекант П.А. (1976). Типы и формы сказуемого в современном русском языке. Москва.
- Распопов И.П. (1970). Структурирование простого предложения в современном русском языке. Москва.
- Ремнева М.Л. (2005). Старославянский язык. Москва.
- Русская грамматика (1980). Т. 2: Синтаксис. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва.
- Шведова Н.Ю. (1964). Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство во как самостоятельные распространительные предложения. Вопросы языкознания 6.
- Féry C. (2000). Phonologie des Deutschen: Eine optimalitätstheoretische Einführung. Kapitel 7. Potsdam.
- Levin J. (1985). A Metrical Theory of Syllabicity. Doctoral dissertation. MIT.

Summary

Connection and Innection as Basic Criteria of Linguistic Structures Organizing

The current analysis raises the issue of the syntactic relations typology in contemporary Russian. The two complementary directions in the morphosyntactic research are discussed, which are the reductionist and the expansionist approaches. Following the formal syntactic criterion, the author introduces and then analyses thoroughly the opposition of two syntactic linkings: connection and innection. Connection is defined as a syntactic linking based on the primary linear co-occurrence of lexemes (as syntactemes), while innection includes the adjustment of one element to the other, according to the formal grammatical rules. The presented analysis is illustrated by the linguistic material from contemporary Russian.